

DOI 10.22455/2541-8297-2018-7-46-81
УДК. 821.161.1

А.М. Ремизов

**«На вечерней заре». Главы из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло.
1921–1922 гг. ***

*Вступительная заметка и комментарии Е.Р. Обатниной
Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной*

Аннотация: В публикации представлены фрагменты рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), основанной на письмах к жене писателя, С. П. Ремизовой-Довгелло. Публикуемые главы посвящены первым двум годам (1921–1922) жизни Ремизовых в Берлине. Во вступительной заметке к публикации изложены история создания рукописи и особенности ремизовского автобиографического жанра. В Приложении помещены подлинные письма А.М. Ремизова, что дает возможность оценить приемы трансформации эпистолярных документов и проанализировать творческую стратегию Ремизова в работе над автобиографическими произведениями.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярная литература, письма писателя, архивные материалы.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035). Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В составе парижского архива А.М. Ремизова, ныне переданного в Государственный Литературный музей, хранится рукопись под названием «На вечерней заре». Генезис этого текста обусловлен авторским методом, в основе которого лежал процесс переписывания и редактирования собственных писем, адресованных писателем его жене Серафиме Павловне Ремизовой-Довгелло в течение длительного периода – с 1903 по 1939 гг.¹ Очевидно, высокая концентрация литературных фактов и сюжетов в этой бытовой, на первый взгляд, переписке послужила причиной тому, что Ремизов после смерти жены в 1943 г. взялся за литературную обработку собственного эпистолярия с явной интенцией создать автобиографический роман в письмах. Во внушительном корпусе этих документов нашли отражение события литературной карьеры писателя, сюжеты, связанные с публикацией его произведений, характеристики представителей литературно-художественного окружения, факты, касающиеся дореволюционного периода жизни писателя и его трудов и дней в эмиграции. Оригинальные письма Ремизова Серафиме Павловне – это уникальная форма непосредственного проявления личности писателя и вместе с тем богатейший материал, максимально насыщенный информацией биографического характера. В свою очередь, сама рукопись «На вечерней заре» представляет собой начальную стадию работы над автобиографическим произведением.

Главы, охватывающие дореволюционный период жизни Ремизовых в Петербурге, преимущественно организованы по единому принципу: они начинаются перечнем ключевых событий и реальных действующих лиц, актуальных для конкретного временного отрезка. Такой «план-проспект», несомненно, служил заготовкой будущего развернутого рассказа, образующего историко-литературный контекст для представленных в главе писем. Авторская редакция подчинена идее преодоления собственно эпистолярного дискурса, поэтому тексты-источники подверглись здесь не только стилистической правке, но и были дополнены разного рода пояснениями, которые помещались Ремизовым в квадратные скобки. Кроме того, в процессе редактирования собственных писем писатель зачастую без каких-либо сигнатур инкорпорировал в первоначальный текст собственные рефлексии, возникшие значительно позднее, или включал дополнительные эпизоды, свободно распоряжаясь биографическим документом как художественным произведением.

Законченного воплощения идея романа в письмах так и не получила, но сохранилась уникальная рукопись, свидетельствующая о масштабном творческом эксперименте писателя. По всей вероят-

ности, в процессе работы Ремизов столкнулся с рядом объективных трудностей, связанных с необходимостью создать общую повествовательную канву для хронологически дискретных писем. Также ему не удалось выдержать изначально выбранный принцип организации будущего произведения на протяжении всего текста. В главах эмигрантского периода, которые репрезентируются в настоящей публикации, авторский замысел существенно нивелируется: изначальный шаблон «плана-проспекта» вытесняется реестром географических мест, с которыми была связана переписка супругов. Характер правки становится более произвольным и утилитарным, авторские вставки в квадратных скобках ограничиваются раскрытием имен и лаконичными ремарками. Тем не менее элементы художественного структурирования эпистолярного текста проявляются в авторской композиции, нарушающей линейную хронологию конкретных событий. Так, глава, посвященная 1922 г., начинается с апрельского письма, образующего нечто вроде экспозиции повествования, связанного с квартирой Ремизовых на Kirchestrass. Вместе с тем, как уже было отмечено, несмотря на бытовой генезис текстов-источников, содержание как рукописи, так и оригиналов писем имеет отношение прежде всего к истории творческой карьеры писателя (с первых «литературных шагов» в начале 1900-х гг. до конца 1930-х гг., когда его художественное мастерство достигло своего апогея) и предоставляет широкие возможности для детальной реконструкции историко-литературного контекста жизни Ремизова в России (до 1921 г.) и в эмиграции (с августа 1921 г. до начала Второй мировой войны).

Представленные ниже две главы из рукописи «На вечерней заре» и соответствующий им корпус оригинальных писем за 1921–1922 гг. охватывают начальный этап эмиграции писателя. Их сопоставление позволяет наглядно проследить процесс «пресуществления» эпистолярного документа в литературный факт творческой биографии писателя. Тексты публикуются по автографам (Государственный литературный музей. Ф. 156. Оп. 2. №№ 299, 340) с сохранением авторской пунктуации и некоторых случаев авторской или дореволюционной орфографии. В текстах оригинальных писем (Приложение) для удобства чтения в угловых скобках раскрываются имена и фамилии упомянутых лиц. Авторские подчеркивания выделены в публикации курсивом.

Публикаторы выражают искреннюю благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, содействие которого в работе с архивными материалами фонда А.М. и С.П. Ремизовых в Центре русской культуры Амхерст-Колледжа неоценимо. Особую признательность мы хотим

адресовать коллегам за помощь при подготовке текстов к публикации. Проблемы идентификации немецких реалий и распознавания немецких слов и идиоматических выражений в рукописи и оригиналах писем Ремизова были по возможности решены благодаря дружескому участию сотрудников Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете Марии Классен и Татьяны Двинятиной. Комментарий к некоторым сюжетам берлинского периода жизни Ремизовых был бы неполным без квалифицированной научной поддержки профессора Федора Полякова (Институт Славистики Венского университета).

1921

10–22.VIII

Карантин

Нарва (38–39 эшелон)²

1921 Berlin

Берлин 1921

8 октября

пятница

Fremdenheim

над кабаком Friedenau

<1>³

«Гусиные» подробности, что зайчик принес⁴, доел и хлеб, – без ножа: должно быть, Гау взяла чистить. Я всё в хорошую сторону думаю, зачем ей красть?

Был у «Нового Спаса»⁵: не хочет хозяйка нас отпускать без себя, и от 5000 м<арок> отказывается, чтобы только при свидетелях подписку ей дать за ломаные вещи уплатить в случае. Так мне Эмилия Моисеевна (Каплун)⁶ передала, сам я не очень понял.

Сказал о телефоне: пошли на телефон (с Е.М. Каплун⁷) спрашивать, сколько будет стоить. Позвонят от 7 до 8-и Марье Моисеевне (Гуревич)⁸. А она нам. А мы пообдумаем, либо Е.М. (Каплун), либо Марье Моисеевне (Гуревич), чтобы кто-нибудь из них наше решение передала.

Вот это и будет мое первое письмо.

[В Берлин из Ревеля мы приехали 21 сент<ября> 1921⁹, и началось наше кочевье, пока, наконец, не обосновались у Делион¹⁰ на Кирхштрассе в Шарлоттенбурге].

Берлин 1921
11 октября
Charlottenburg
Kirchstr<asse>
<2>

1

Пошли в кофейную подправиться.

[Записка на дверях: только что переехали и Каплун (Соломон Гитманович)¹¹ повел нас].

2

Приходящую к нам публику просим по телефону не звонить зря над ухом.

[У Делион, кроме нас: художник Залит и скульптор Зеркал¹². Одно время жил Пильняк¹³. Постоянно Соломон Каплун и Андрей Белый¹⁴].

1922 г.

**Charlottenburg I
Kirchstr<asse> 2.II bei Delion¹⁵**

**Wilhelm <sic!> 25–31
Sarow-Ost. 19–22.V
Ahlbeck 12.VI – 25. VI
Breitbrunn am Ammersee 14.VII – 31.VII
Unteram<m>bergau 22–23.VII
Oberammergau 26–28.VII
Her<r>sching – 21.VII
Andechs – 29.VII
München – 31.VII – 2.VIII
Potsdam – 21.IX¹⁶**

14 April 1922
Karfreitag¹⁷

Frühling kommt!¹⁸

Первый теплый день. Sommertag¹⁹. Снял зимнюю шкурку. Без пальто вышел zur Post²⁰.

Комната Серафимы Павловны в Charlottenburg'e bei Delion на Kirchstr<asse > 2.П. Рисовал художник Н. В. Пинегин, новоземец, самоед²¹.

Это только не Весна изображена и не Соколов-Микитов²² и, хоть с усами, а это Бирюлька [Эмилия Моисеевна Каплун-Вальден²³]. Жаль, что без меня, а то бы где из-за яйца нос торчал.

– Quakt der Frosch vor Martus <sic!> viel
Schweigt er dafür nach<h>er still²⁴ –

Berlin 1922
1 января
<3>

Новый год! Что-то несет нам? А наше ночное путешествие через Берлин – путь два часа против ветра – что нам сулит? Неужто дорогу? Но какую? Испытали такое мытарство. Или мы в ночь столько прошли – путь за целый год. И нам все сулит тишину? Невероятно. Не под той звездой. Наша звезда буря. И это только отражение прошедшего года – наш путь из России?²⁵

[Новый год встречали мы в кабаре Южного²⁶. С Минским и З.А. Венгеровой²⁷. И возвращались пешком – шли часа два. А проснулись: пожарные.

Такой берлинский обычай: в Новый год будить в полдень пожарными. В Новый год нас и с квартиры прогнали, а вскоре и из Берлина: в двухнедельный срок²⁸].

Berlin 1922
19 апреля
3 день Пасхи
3 час ночи
<4>

Не сердись на меня, пожалуйста, очень это мне горько, что невольно я тебе тяжело сделал. Ну, больше уж не буду никогда. Даже невольно.

Совсем я забыл, что человеки скотолубы, а хотел я по-человечески к человеку. Вот и вся вина моя.

Я-то не осердился бы, если бы ты так поступила. Но думаю, пожалуй, по «бесправию» моему, а не по воле моей (Не имею права – так скажется у всякого после преступления: не имею права осуждать, но по существу-то в скрытии даже от самого себя осуждаю).

Ну, не буду, не буду, не буду. И на долгие годы. А потом все пройдет. А если надо будет выразить жалость, буду головой кивать.

В данном случае: если бы одна жалость – вина моя меньше была бы – а сказать по правде по последней: было не только сожаление, было и раздражение – против назойливости, а это давно сидит во мне: «все нюхают, все трогают»²⁹.

«Нести твое сердце», как несу в своем, особенно горько при наших печальных делах. А может, это мне кара – так и нужно.

Berlin 1922

29 апреля

<5>

Вот уж и 9-ть. Стало быть, Дроздов [А.А. <sic!> Дроздов, секретарь Гутнова «Сполохи»³⁰] не придет и зря прождал я его. Мечтал, как тебе деньги [гонорар] дам: придешь, а я тебе на стол.

Это все очень печально. Неверное все какое-то, ведь, так обещать! И подумаешь: что-то, что-то делать? И не позвонил.

И не знаю, чем тебя уж утешить!

Звонила Бирюлька [Эмилия Моис<еевна> Каплун] – сказал, чтобы позвонила завтра. А был только Селивестрович [Григорий Сел<ивестрович> Киреев, посыльный из «Русского Изд<ательства>»³¹].

Экая, ей Богу, незадача.

Berlin 1922

8 мая

8 ч<асов> у<тра>

<6>

Чайник скипячен <sic!>. В кастрюльке кипяток. Там стоит моя кружка с Mulbrün'ом³². Только-только подогреть немного, не вынимая.

Berlin 1922

19 мая

пятница

<7>

В Sarow-Ost (Гржебины)³³

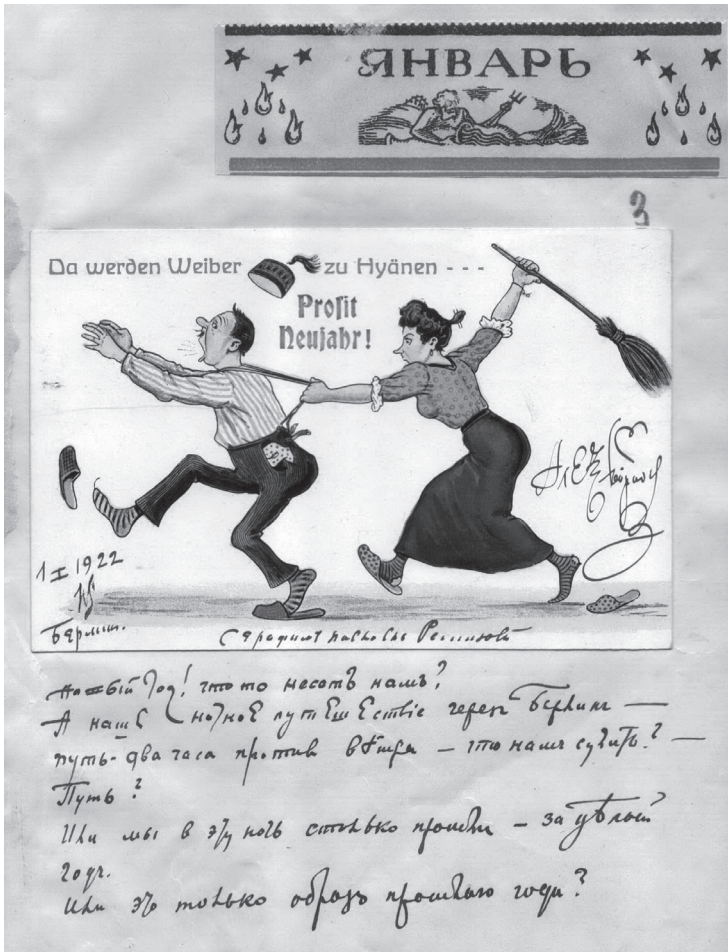
Так устал я, что сидя за поправкой «Царя Максимилиана»³⁴ за-
снул. И вдруг очнулся. Уж 2-ой час.

Боюсь, не в состоянии буду сделать, а надо завтра.

В старых очках сижу, новые что-то раздражают. Дождик на
дворе.

Была А.П.³⁵ и Киреев, переписывал³⁶.

А.П. жаловалась на судьбу.

«Очень неловко, подумал я, может, ей дать что-нибудь. Не знаю».

Звонил З.И. Гржебин: «уехала ли ты? – «Да, говорю, по-е-хала». Звонил А.Г. Вишняк³⁷: завтра предлагает идти с ним в М.И.Д.³⁸ в 12 ч<асов> дня. Был Дроздов и Алексеев³⁹: о вечере «Серапионов» в пользу «голодающих писателей»⁴⁰. Я согласился. И об Альманахе⁴¹.
Спать! Не могу больше.

Berlin 1922

20 мая

<8>

Поднял меня Киреев чуть свет: за машинкой. Письма: от Уманского из Вены⁴² и Никитина из Петрограда⁴³. «Сполохи» № 7.

Вот мое горе: забыл, в котором часу сговорился с Вишняком идти в М.И.Д.

Слава Богу, позвонила Вишнячка⁴⁴: в 12-ть.

Заперев комнату, вышел. Был в М.И.Д., Отдел Прессы. Познакомился с Дг. Ланне, читает славянскую палеографию в Университете⁴⁵. Но говорить пришлось не с ним, а с его помощником. Обещают через 2 недели. [Все еще под грозой высылки, нет никакого документа, а надо письменное разрешение от министра Северинга⁴⁶]. А еще узнал: ехать в Баварию русским надо разрешение; для литовцев и других так, а нам, русским, разрешение. Домой вернулся около 2-х.

В 4-е открытие «Дома Ученых в Берлине». [Ничего не вышло]⁴⁷. Сначала от<к>рывали: Минский сказал, что он знаком с Гоголем – никто этому не поверил, но никто и не возражал⁴⁸. Потом разговор о журнале и издании⁴⁹. За «Розановы письма» З.И. Гржебин предлагает 50.000 М<арок>. [Были изданы в 1923, «Кукха»]⁵⁰.

После «открытия» втроем: Горький⁵¹, А.Н. Толстой⁵² и я, отправились в кафе «с цыганами». Горький ходит не ходко («вены»), Толстой, занимая весь тротуар, выступает, а я безудержно сторонкой. Так, не спеша, мы достигли цыганское кафе, поднялись на какой-то высокий этаж (для цыган «неестественно»), а не обрадовались: полон зал. Нас устроил Родэ⁵³, очень тесно. Пили какое-то вино, цыганы пели. Доморощенные – цыганское только название. Я подошел к столику: Пинес⁵⁴, Ол<ьга> Мих<айловна> Персиц⁵⁵ и ее мать. Сказал я с ними два слова, а когда вернулся, вижу суетящегося Родэ, а Горький поднялся, прощается. Потом я узнал, что с соседнего столика делали «угрожающие знаки», а попросту всем нам готовился мордобой. Так не дослушав и не допив, особенно возмутился

Толстой, мы спустились с лестницы, только чудесным образом не спущенные. А какая тихая была ночь «на небесах»⁵⁶.

Очень меня огорчило: в «Голосе России» напечатали с ошибкой стихи Н. Тихонова⁵⁷. Ну, можно ли им давать что-нибудь, если они небрежно так относятся. И не могу я никак успокоиться: главное, в стихах! Ничего я им больше не дам: пускай наперед научатся быть внимательными к слову.

С Горьким разговаривал о «Вехах» («Смена Вех»), он против⁵⁸.

Уже 2-ой час, а не чувствую усталости. «Царя Максимилиана» поправил⁵⁹. [Толку не вышло. В Берлине его не играли⁶⁰].

Остался я вдвоем с FrI. Delion. Разговор в коридоре: тон ее, что в Борзне, не «хвост» скажет («хвост» неприлично!), а «фост» – звучит тонко.

Berlin 1922
21 мая
воскресенье
<9>

Завтрашний день, ты и дома. Без тебя тишина, а особенно сегодня – один я, как есть, во всем доме.

Звонил З.И. Гржебин, просит к себе в 5 ч<асов> чай пить, а если позвоню, то на дачу. А я все над «Царем Максимилианом». Время-то пропустил, схватился уходить. А дверь-то заперта. Это FrI. Delion, уходя, заперла меня. Долго искал я лазейку, со 2-го не прыгнешь. Догадался: со своим ключом – хорошо, что подошел! А вышел, забыл, как на Kurfürstendamm, 150. И плутал. То ли «Царь Максимилиан» увел меня к себе, то ли FrI. Delion чего-нибудь нашептала: почему у нее такой острый красный нос и никакого слуха, – ты знаешь, как она поет!

Был Горький, Пинкевич⁶¹. Н. Полякова пела цыганские романсы⁶². А угощали бананами.

Горький вспоминал Нижний⁶³. Был, оказывается, особый прием у читающих публичные лекции. Начиналось обыкновенно: последними словами выругать слушателей: свиньи, дурачье, болваны, а потом перейти к изложению. Такой прием производил потрясающее впечатление. Провинциальные «лектора» были самоотверженные люди, в них-то и жил дух интеллигенции: читали лекции, несмотря ни на что, у одно<го>, вспоминал Горький, умирала жена, и ночь накануне не спал, и все-таки «по долгу» он лекции не отложил.

Пинкевич не пропускал ни одного горьковского слова и, выходя в другую комнату, будто «до ветру», записывал в записную книжку.

Я вспомнил, что в 8-ь придет Талов⁶⁴, простился и вышел один. Но уж такой день – пошел и заблудился.

А какие чудесные места я видел: балконы в цветах и необыкновенная тишина. А ведь плутал я недалеко от дома за Шарлоттенбургским полицейпрезидиумом⁶⁵. А попал я домой вовремя.

Без меня был Я.С. Шрейбер⁶⁶.

Талов мне рассказывал о Париже, о католичестве (он обращенный), взял мои книги для перевода⁶⁷. Я даю без всякой надежды. В.И. Полисадов в Швейцарии: туберкулез. Обещал достать адрес⁶⁸.

Писем не было.

Что меня очень взволновало: узнал, что за парижским и наше берлинское «Литературное общество» изгоняет А.Н. Толстого за «сменовеховство»⁶⁹. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать его имени «писателя» нельзя⁷⁰. А кроме того, Толстые не на каждом шагу, и кто это исключает, какие это писатели – «мошкара».

З.И. Гржебин уговорил меня: пройти тебе курс лечения на их даче, в Сарове, а не заключаться в санаторий. Не знаю.

Ahlbeck Seebad⁷¹

Berlin 1922

12 июня

<10>

Так я измучился, решил, ни о чем не думая, лечь спать. Был у С.П. Постникова⁷², взял 1000 М<арок>, а другую пришлет. Видел и Вл<адимира> Мих<айловича> Зензинова⁷³ и М.Л. Слонима⁷⁴. Сол<омон> Г<итманович> Каплун⁷⁵ берет «дол-нео-вес» [?] ⁷⁶ за 10000 М<арок>, обещал на днях зайти. И я не послал М. Вишняку письма.

Разговаривал с Введьмой (Frau Delion), а нашей (Fr. Delion) нет еще, куда-то уехала. Напишу Шрейдеру («Скифы»)⁷⁷.

О деньгах не беспокойся, к твоему приезду соберу. Все прибрал и закрыл от пыли.

Начал, отделявая, переписывать «Временник» [«Взвихр<ён-ная> Русь»]⁷⁸. Оторвался за эти дни и вот опять сначала. Главное в писании – *непрерывность*. Или я очень устал, тяжело, не весело писалось.

Звонила Анна Ильинична []⁷⁹: не сговоришься ли ты с ней ехать в воскресенье на прогулку?

Потом звонит – Говорю: «Хало, кто говорит?» – Голос: «Серафима Павловна». Сначала я ничего не понял: «Серафима Павловна!» потом сообразил: Линдерхаус⁸⁰. Она пробудет в Берлине недели две. А я только-только что опустил твое письмо. Очень ей хочется тебя повидать.

Купайся и не беспокойся нисколько. Кланяйся дому, живущим в нем. Скажи: «Пинкевич возвращается»⁸¹.

Вода опять не течет.

13 июня

Пасмурно. Письмо от А.А. Маделунга по-немецки⁸².

Сон: Ан<на> Руд<ольфовна> Минцлова⁸³. Она мне сказала, что в каком-то французском воплощении я был *Madam Kept*.

Начинается день. Жду Залшупина⁸⁴. Да, когда вчера прибирался, нашел еще грязное белье.

Адрес Иды Фед<оровны> Ремизовой⁸⁵: Бронницы, Моск<овская> Губ<ерния>, Отд<ел> Наробраз<ования>.

Адр<ес> Софьи Ник<олаевны> Вербицкой⁸⁶: Турский Бечей. Рус<ский> комитет. Югославия (Сербия).

Berlin 1922

13 июня

<11>

Еще 12-и нет, а так спать хочется, «грохнулся» бы и заснул. А за день особых дел не делал.

Написал – пришлось все сызнова – «Пряники», «Палочки», «О мире» [«Взвих<ренная> Русь»]⁸⁷ – 10 страниц. И боюсь, не так написал. Когда кончу, просмотришь.

С С. Залшупиным [художник] был в «Вонунг<с>амте» (жилищный отдел)⁸⁸. Надо показать разрешение о продлении на право жительства. В четверг пойдет Киреев один на Neue Friedrichstr<asse>, возьмет “Schein”⁸⁹. А в пятницу я опять с Залшупиным к нам сюда в «Вонунгсамт» – до чего это канительное, времени сколько зря!

Ф<еге> Фриш⁹⁰ написал в Мюнхен записать нас, где она будет, не в санаторию, а в пансионе⁹¹.

Хозяйка вернула штаны. Искомых «накидок» не нашли, а только носовой платок. Очень друг с дружкой (Frau и Fr. Delion) они кричали: раз платок нашелся, надо искать дальше – в швах что ли? А старуха, видно, помирилась. Сегодня подметала у меня сама хозяйка, а я до нее сам навел порядок. Ищут новую прислугу.

Звонят у св. Луизы⁹².

Frl. Delion убеждена, что украла Frau Nölte. Но обыск штанов ни к чему не привел. Только поругались.

Барышня [Из «Огоньков»⁹³] принесла переписанное и взяла окончание I части [«Канавы» («Ров львиный»)]⁹⁴: обещает принести в пятницу. Был Киреев и заносил книги «Монах» [И.С. Соколов-Микитов]⁹⁵. Написал А. Шрейдеру [«Скифы»] о «зырянском сказе»⁹⁶.

О Данциге справлялся Киреев: у них в «Рус<ском> изд<ательстве>»⁹⁷ одна служащая тоже так получает, извещения надо ждать – срок недельный, а то и больше. Марка все падает. Grau Brot – 18 М<арок>⁹⁸.

Ходил покупать себе Würstchen.⁹⁹ Тоненьких не было. И что же ты думаешь, за 3 штуки лавочник сказал – 21 М<арка>, и поправился: 61 М<арка>. Вот что бывает, когда сам покупаешь. Хозяйку спрашивал. Говорят, «приняли за Ausländer'a!».¹⁰⁰ Еще бы.

А.А. Маделунг просит ответить, приедем ли мы в Копенгаген в июне, так как в июле ожидает он пятиголовое нашествие. Я ответил: «конечно, нет». Успеется. Легко сказать: в Копенгаген.

Не беспокойся, купайся и сиди на солнце.

Кланяйся гнезду.

Купи всякие открытки. Эх, денег-то нет у тебя, взяла бы и те, отложенные. Ведь, я достану и за комнаты заплачу.

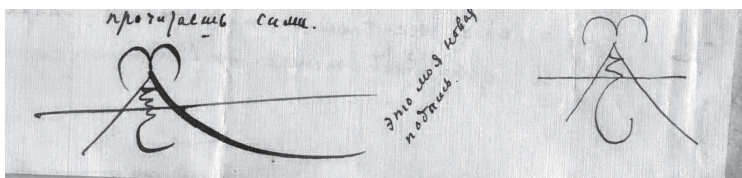
14 июня

Какое чудесное светлое утро. Цветы полил.

Письма от Вяч<еслава> Як<овлевича> Шишкова: нашел «Рус<ских> женщин» (изд<ательство> «Скифы») и «Николины притчи» (изд<ательство> З.И. Гржебина), посылает через контору Гржебина. Боюсь, пропадет. Прислал свою книгу: «Оплешнички» – очень хорошо¹⁰¹.

Письмо от «Волка» (Иллисона): жив, но плох, температура уползла – 39°–40° [Ил<л>исон – студент эстонец, наш спутник из России – 5.VIII.1921]¹⁰². Открытка из Polizeipräsidium: 16.VI вызывают за нашими желтыми паспортами – Ausweis'ами¹⁰³.

Письма не клеиваю, а кучкой складываю – и все по приезде прочитаешь сама.

Это новая моя подпись: а-кси-с¹⁰⁴ (вроде Аксиньи)¹⁰⁵.
<подпись-анаграмма>

Приложение

1

Берлин 1921
8 1/1 [октября] 1921
пятница
Fremdenheim
над кабаком в Friedenau

Серафиме Павловне этот зайчик принес «гусиные» подробности, доел и хлеб без ножа: ножик, д<олжно> б<ыть>, взяла чистить (Я все в хорошую сторону думаю). Был у «Нового Спаса»: не хочет хозяйка нас отпускать без себя, и от 5000 м<арок> отказывается, чтобы только при свидетелях подписку дать за ломаные вещи уплатить в случае. Так мне Эм<илия> Моис<еевна Каплун> передала, сам я не очень понял.

Сказал о телефоне: пошли на телефон справляться: как скоро и сколько будет стоить.

Позвонят от 7–8-и Марье Моисеевне. А она должна нам. А мы, пообдумав, либо ей, либо Марье Моисеевне, чтобы уже она решение наше передала.

Вот это и будет 1-ое письмо. Алексей Ремизов.

2

Берлин 1921
11 октября

<2 слова нрзб.>. Пошли в кофейную подправиться. А.Р.

3

1922 Берлин
1 января

Серафиме Павловне Ремизовой
Алексей Ремизов

Новый Год! что-то несет нам?

А наше ночное путешествие через Берлин – путь два часа против ветра – что нам сулит? – Путь?

Или мы в эту ночь столько прошли – за целый год.

Или это только образ прошлого года?

4

1922 Берлин

19 апреля

Дорогая моя детяточка, не сердись на меня, пожалуйста, очень это мне горько, что тебе я тяжело сделал. Ну, больше уж не буду никогда.

Совсем забыл я, что человеки скотолюбы, а хотел я по человеческому к человеку.

Я понимаю,

я-то не осердился бы, если бы ты так поступила. Но думаю, пожалуй, по бесправию моему, а не по воле моей.

Ну, не буду, не буду, не буду.

И на долгие годы.

А если надо жалость выразить, буду головою кивать.

Главное было тут (еще скажу),

если бы одна жалость – пожалуй, вина меньше была бы, – но (если по правде по последней)

было и раздражение – против назойливости (давно это сидит во мне)

тут что-то есть: «все нюхают, все трогают».

И нести твое сердце

особенно горько

при таких делах внутренних.

А может, это кара, – так и нужно.

Ал. Ремизов.

3 день Пасхи

3 час<a> ночи

5

1922 Charlottenburg

29 апреля

Дорогая моя деточка. Вот уж и девять – стало быть, Дроздов не придет и даром прождал я его, мечтая, как тебе деньги дам: придешь, а я тебе на стол.

Это все очень печально

– неверное все какое-то.
 И подумаешь, что-то – что-то делать.
 А главное, и не позвонил.
 И не знаю, чем тебя уж утешить.
 Звонила Бирюлька <Каплун Э.М.>.
 Сказал, чтобы позвонила завтра.
 А был только Селивестрыч <Киреев Г.С.>.
 Экая, ей Богу, незадача.
 Алексей Ремизов

6

1922 Berlin
 8 апреля
 8 ч<асов> у<тра>

Деточка,
 Чайник кипячен <sic!>.
 В кастрюльке кипяток:
 там стоит моя кружка
 с Mulbrün'ом.
 Только-только подогреть
 немного, не вынимая.

А.Р.

<Рукой С. П. Ремизовой-Довгелло>:
 Колокольная
 д. 8. кв. 5
 Нина Яковлевна.

7

1922 Charlottenburg
 19 мая
 Пятница вчера
 В Sarow-Ost
 С.П. Ремизовой

Деточка, до такой степени устал,
 что сейчас, сидя за поправкой для «Максимилиана», заснул
 и вдруг очнулся.

Уж 2-ой час.
 Боюсь, не в состоянии сделать, а надо завтра.
 Была А.П. и Киреев.
 Переписывала.
 Дождик на дворе.
 Звонил Вишняк: завтра предлагает идти с ним в М.И.Д. в 12 ч<асов> дня.
 Был Дроздов и Алексеев.
 Говорили о вечере Серапионов в пользу голодающих писателей.
 Я согласился,
 и о альманахе.
 Котичек, спать, не могу больше. А. Ремизов.
 В старых очках сижу,
 новые что-то – раздражают.
 А.П. жаловалась на судьбу
 Очень неловко, подумал я, может
 Ей дать что-нибудь,
 Не знаю.
 Звонил Гржебин: уехала ли ты?
 Да, говорю, по-е-ха-ла.

8

1922 Берлин
 20 мая

Поднял меня, деточка, Киреев чуть свет: за машинкой.
 2 письма – от Уманского из Вены
 – <от> Никитина <Никитин Н.Н.>
 и «Сполохи» № 7.
 Вот мое горе: забыл, в к<оторо>м часу сговорился с Вишняком.

Слава Богу, позвонила Вишнячка <Вишняк В.Л.>. Теперь знаю.
 Вышел (заперев комнату) в Отд<ел> Прессы. Познакомился с Дг.
 Ланне, который палеографию славянск<ую> читает. Но говорить
 пришлось не с ним. Через 2 недели обещаю все сделать.

И еще узнал, чтобы ехать в Баварию *русским* надо разрешение,
 это литовцам и друг<им> так, а нам разрешение.

Домой вернул<ся> около 2-х.

В 4-е назначено открытие Дома Ученых.

Сначала было открытие, потом заседание журнала.

Сказал Гржебину, что за «Розановы письма» – 50.000 М<арок>.

Когда кончилось заседание, пошли Горький, я и Ал. Толстой в кафе, где он живет. Там цыгане.

Во время исполнения, я отошел к столику, где сидел Пинес, Ол<ьга> Мих<айловна> <Персиц> и ее мать.

И в это время что-то произошло.

Когда я вернулся, Горький прощался.

Не могу понять точно, какие-то с соседнего стола ему угрожающие знаки делали.

Очень меня огорчило, что в «Г<олосе> Р<оссии>» напечатали с такой ошибкой стихи Н. Тихонова.

Ну, можно ли им давать что-нибудь, если они так небрежно относятся к слову.

И не могу я никак успокоиться, что такая несообразность вышла: главное, в стихах!

Ничего я им больше не дам.

Пускай наперед научатся вниманию к слову.

Разговаривал и о «Вехах».

Горький тоже против.

Уже 2-а. А не устал я сегодня.

«Ц<аря> М<аксимилиана>» поправил.

А. Р.

Остался я вдвоем с Fr. Delion.

Разговаривали по-немецки.

В коридоре – это тоже знаешь ли такой тон фоста <sic!>.

9

1922 Berlin

21 мая

воскресенье

Ну вот деточка, завтрашний день ты и дома будешь.

Без тебя тишина, а сегодня особенно – один, как есть в квартире.

Позвонил Гржебин, чтобы звонил на дачу и пригласил к себе чай пить в 5 ч.

А я сидел все над «Цар<ем> Максим<илианом>». Время-то пропустил, схватился – уходить. А Fröl. Del<ion> меня, оказывается, заперла. Туда-сюда, не могу выйти. Едва сообразил, как быть.

Грж<ебин> на Kurfürstendamm, 150.

Ну там были и Горький, и Пинкевич, и какая-то певица Полякова романсы пела.

Хорошие были бананы.

А схватился уходить – в 8-ь должен прийти Талов – вышел и заблудился.

– Ну и чудесные места видел.

И что-то ты думаешь, здесь ведь около Шарлоттенбург<ского> полицейпрезидиума блуждал.

Был Шрейбер без меня.

А попал я домой все-таки вовремя.

Рассказывал мне Талов и о Париже, и о католиках, взял книжки для перевода на франц<узский>.

Полисадов в Швейцарии – очень болен (чехотка <sic!>).

Адрес он скажет.

Да, сегодня *писем не было*.

Очень меня взволновало, узнал, что и здешнее «Литератур<ное> общест<во>» изгоняет Толстого. Уж больно это нехорошо. Все-таки, что бы человек ни сделал, а лишать писател<ьского> звания нельзя.

Ах, лапусик, лапусичек.

Р.

Гржебин все уговаривает на отеч<ественной> даче тебе курс прийти лечения, а не ездить бы лечиться в санаторий. Не знаю.

22.V

Вернусь ½ 4-го домой.

10

Charlottenburg

1922

12 июня

12 ч<асов> н<очи>

Так я, деточка, измучился, что решаю, ни о чем не думая, лечь спать. Был у Сер<гея> Порф<ирьевича> <Постникова>, взял 1000 М<арок>, а другую пришлет. Видел и Влад<имира> Мих<айловича> <Зензинова> и Соломона <Каплуна>. Сол<омон> <Каплун> берет «дол-нео-вес» за 10000 М<арок>. Обещал на днях зайти. И я не послал Вишн<яку> письма. Больше никого не видел. Разговаривал с Ведьмой, а нашей нет еще, куда-то уехала д<олжно> б<ыть>. Завтра напишу Шрейдеру. Ты о деньгах не беспокойся, к твоему приезду соберу. Все прибрал и закрыл от пыли.

Начал, отделявая, переписывать «Временник». Оторвался за эти дни и вот опять сначала. Главное дело в писании – непрерывность. Или очень устал я сегодня, не весело писалось, тяжело.

Звонила Ан<на> Ильинична <Денисевич>, спрашивала тебя: не согласишься ли ехать вместе в воскресенье на прогулку?

Потом звонит –

Говорю: «Хало, кто говорит?»

Отвечает голос: «Серафима Павловна».

Сначала я ничего не понял, потом сообразил:

Linderhaus

Она тут будет 2 недели.

Я ведь только-только что ей письмо твое опустил.

Позвонит: очень ей хочется тебя повидать.

Турский бечеј	Serbien	Турскій Бечей
Turski Becej	Jugoslavien	Русский комитет
	Jörökbecse	Соф<ья>
	Sophia Werbitzky	Верб<ицкая>
Russland	Бронницы	
Bronnizi	Московской губ<ернии>	
Frau Ida Remizow	Отд<ел> Наробраз<ования>	
	И.Ф. Ремизовой	

Алексей Ремизов

Ну, котик, купайся и не беспокойся нисколько.

Кланяйся дому и живущим.

Скажи: «Пинкевич возвращается».

Вода опять не течет.

13 июня

утро

Пасмурно

1 письмо от Аггея <Маделунг А.А.> по-немецки, а больше нет!

Видел во сне Анну Рудольфовну <Минцлову>

Она мне сказала, что я был *M-me Kert*

в каком-то воплощении

французском.

Начинается день.

Жду Залшупина.

Да, когда вчера прибирал, нашел еще грязное белье.

11

1922 Charlottenburg
13 июня

Деточка, еще 12-и нет, а так спать хочется, грохнулся бы и заснул. А особых дел не делал.

Написал (пришлось начинать сначала) «Пряники», «Палочки», «О мире» – всего 10 стр<аниц>. И боюсь, что написал не так, ну, когда кончу, просмотришь. С Залшупиным был в Wohnungsamt'e: надо было показать разрешение о продлении, а в четверг пойдет Киреев один на Neue Friedrichstr<asse>, возьмет Schein и в пятницу я опять с Залшупиным к нам сюда – до чего это канительное.

Фриш вчера написал <sic>, чтобы нас записали, где она будет, не в санаторию.

Хозяйка вернула штаны. Рассказывали, что искомым накидок не нашли, а только платок носовой. И потом очень друг с другом они кричали. Раз платок нашелся, надо идти куда-то дальше. А старуха, видно, помирилась. Сегодня подметала хозяйка у меня, а я так все сам сделал. Ищут новую.

12 ч<асов> звонят у св. Луизы.

Наша убеждена, что это Frau Nölte. Но все равно ничего не вышло. Только переругались друг с другом.

Барышня принесла переписанное и взяла окончание I части.

В пятницу обещает принести.

Был Киреев, и заносил книги монах.

Написал Шрейдеру о зырянском сказе.

О Данциге справлялся Киреев: там у них служит одна, тоже так получает и говорит, что извещения надо ждать – и срок недельный, а то и больше. Марка падает ужасно. И Grau Brot теперь уж 18 M<арок>.

Ходил покупать себе Würstchen.

Тоненьких не было, толстые. И что же ты думаешь, деточка, за 3 штуки он сначала сказал – 21 M<арка>, а потом поправился – 61 M<арка>. Беда, когда сам покупаешь. Хозяйку спрашивал, говорит, приняли за Ausländer'a. Еще бы!

Аггей <Маделунг А.А.> пишет, что ему сейчас же ответить, приедем мы в июне или нет, т<ак> к<ак> в июле ожидает он 5-головое нашествие.

Я ему ответчу, конечно, нет.
Еще успеется.
Не беспокойся, деточка, купайся
и сиди на солнце.
Кланяйся гнезду. Алексей Ремизов.
Купи всякие открытки.
Эх, денег-то нет у тебя, взяла бы и те,
ведь я достану.

14 июня

Какое чудесное свежее утро.
Цветы полил.

2 письма: 1) от Шишкова: нашел «Рус<ских> женщ<ин>» и «Николины притчи», посылает через контору Гржебина. Боюсь, пропадет. И прислал «Оплешничков» (это очень хорошо).

2) от Волка <Иллисон Л.И.> – жив, но очень плох, темпер<атура> поползла 39°–40°.

И открытка из Polizeipräsidium, чтобы пришел
за желт<ыми> паспортами 16.VI.

Письма не клеиваю,
а кучкой соберу,
и все по приезде
прочитаешь сама.

<подпись-анаграмма> Это моя новая моя подпись.

¹ Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д'Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1985. № IV. P. 149–190; 1987. № VI. P. 237–310; 1990. № IX. P. 443–498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 3. С. 142–184; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203; 2016. № 2. С. 162–211; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста А.С. Урюпиной // Русская литература. 2017. № 2. С. 56–94; На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1911 год / Вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Русская литература. 2018. № 1. С. 163–209.

² См. примеч. 9.

³ Здесь и далее в угловых скобках приводится авторская нумерация писем, проставленная карандашом.

⁴ Мотив «гостинца от зайчика», по-видимому, был устойчивым в семейных отношениях Ремизовых и восходил к рассказу писателя «Гайнственный зайчик» (впервые: Русская мысль. 1909. Кн. 10. Отд. 1. С. 131–137), написанному по устным воспоминаниям С. П. Ремизовой-Довгелло о своем детстве.

⁵ Топоним не выяснен (вероятно, подворье русской православной церкви в Берлине).

⁶ Жена С. Г. Каплуна. См. о нем. примеч. 11.

⁷ Очевидно, Э.М. Каплун. См. примеч. 23.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Ночью 6 августа 1921 г., прождав отправления с 4-х часа дня 5 августа, Ремизовы покинули Петроград в товарном вагоне вместе с беженцами. В Ямбурге (с 1922 г. Кингисепп) они пробыли с 7 по 9 августа, им пришлось пройти обыск и регистрацию. 9 августа поезд прибыл в Нарву, где все пассажиры вагона были помещены в карантин. 23 августа супруги приехали в Ревель (ныне Таллинн), где прожили чуть меньше месяца, ожидая визы для въезда в Германию. Подробнее см.: *Доценко С.Н.* А.М. Ремизов в Эстонии: начало эмиграции (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике: Альманах. Таллинн, 1996. Т. 2. С. 188–194).

¹⁰ Имя хозяйки квартиры.

¹¹ *Каплун Соломон Гитманович* (наст. фам. Каплан; псевд. Сумский; 1883, или 1888, или 1891 – 1940) – социал-демократ, меньшевик; владелец (совместно с Д.Ю. Далиным с начала 1922 г. до октября 1923 г.) берлинского отделения издательства «Эпоха», образованного в 1921 г. в Петрограде.

¹² Латвийские скульпторы-футуристы Залит – *Зале Фриц Карл Иоганн Леопольд* (Kārlis Zālis; Карл Федорович Залит, Залитис, Залите; 1888–1942) и *Дзеркал – Дзиркалис Арнольд* (Arnolds Dzirkalis, 1896 – после 1933). Ср. краткую характеристику встреч с ними в Берлине на Крихештрассе, 2: «...латыш Карл Залит, шумный, как африканский христианин IV века, Арнольд Дзеркал, молчаливый и непонятный...» (*Шкловский В.* ЗОО или Письма не о любви // Шкловский В. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1962 г. М., 1964. С. 165). См. также статью Шкловского о творчестве Залита на нем. языке: *Der Futurismus*. 1922. Oktober. Nr. 5/6. S. 4–5; перевод на русский язык опубл. в статье, посвященной ремизовской рецензии футуризма и творчества Ф. Зале, в частности: *Обатнина Е.* Художник и История, или Как сделан «Памятник погибшим анархистам» // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 198–225.

¹³ *Пильняк Борис Андреевич* (наст. фам. Вогау; нем. Wogau; 1894–1938); в начале февраля 1922 г. прибыл в немецкую столицу по командировке от Всероссийского Союза писателей. В течение двух месяцев (в феврале–марте) жил в пансионе фрау Делион. Ремизова-Довгелло в своих письмах к З.Н. Гиппиус отзывается о его присутствии крайне неприязненно. Ср. ее письмо от 16 мая 1922 г.: «Сначала был здесь Пильняк – это хулиган, он выводок <sic!> советский, о чести понятия не имеет, о самой простой чести, какую знает самый последний бродяга. Напр<имер>, он хвастается своими победами над женщинами, ему от меня так поало, что он меня, как огня, боится» (Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатиной (в печати)). См. также письма Пильняка Ремизову: *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010 (по указ.).

¹⁴ *Андрей Белый* (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) приехал в Берлин 18 ноября 1921 г. О берлинском периоде его жизни и контактах с Ремизовым см.: *Beyer Th.R.* 1) *Andrej Bely. The Berlin Years 1921–1923* // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. L. 1990. P. 90–142; 2) *Russia's Odd Couple: Andrej Belyj and Aleksej Remizov* // *Russian Literature*. 2005. Vol. 58, iss. 1/2. P. 1–27; *Лавров А.* Две Германии Андрея Белого // *Europa Orientalis*. 2003. № 22/2. С. 39–49; *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и берлинские автографы Андрея Белого // *Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. проф., д-р К. Инчин, д-р М. Спивак. Белград; М., 2017. С. 295–301.

¹⁵ Адрес первой съемной квартиры в Берлине. Хозяйка – фрау Делион.

¹⁶ Список путешествий по Германии в 1922 г.

¹⁷ Страстная пятница (*нем.*). Данный текст является записью Ремизова к рисунку Н.В. Пинегина (цв. карандаши, без даты и без подписи), находящемуся в Альбоме С.П. Ремизовой-Довгелло с записями и рисунками ее современников (ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1291. Л. 39).

¹⁸ Весна идет! (*нем.*)

¹⁹ Летний день (*нем.*)

²⁰ на почту (*нем.*).

²¹ *Пинегин Николай Васильевич* (1883–1940) – художник, писатель, кинодокументалист, полярник. В характеристиках своего нового знакомого Ремизов, очевидно, опирался на рассказы этого пейзажиста и отважного путешественника, в 1908 г. впервые предпринявшего экспедицию на Кольский полуостров для изучения природы и быта коренного населения – лопарей и самодийцев (самоедов). Выпускник Императорской Академии художеств (1916), свое творчество Пинегин прочно связал с географией Крайнего Севера. Работая и как пейзажист, и как картограф, он не только инициировал самостоятельные путешествия на Север, но и был участником знаменитых арктических экспедиций, таких как арктический поход Г.Я. Седова (1912–1914). Вклад Пинегина в работу экспедиции Седов отметил, назвав его именем западный остров в группе южных Крестовых островов и мыс в заливе Иностранцева. В 1920 г. Пинегин, живший после Октябрьской революции в Крыму, эмигрировал в Париж. В 1921 г. переехал в Прагу, где работал как театральным художник; весной 1922 г. переехал в Берлин. К этому времени Пинегин написал книгу о путешествиях на Крайний Север «В ледяных просторах», которая при содействии Горького увидела свет в 1924 г. (Л.: Госиздат). Возможно, именно общение с Пинегиным, изучавшим в конце 1900-х годов фольклор самоедов и лопарей, напомнило Ремизову о собственных несостоявшихся планах 1910 г. отправиться вместе с М.М. Пришвиным к лопарям за сбором фольклорного материала. Идея не получила воплощения, однако уже в следующем году Ремизов использовал мотив северного фольклора о колдунье-нойде в рассказе «Глаголица» в качестве вставной безымянной новеллы, опираясь на опубликованные в 1889 г. исследования этнографа Н. Харузина (подробнее см. в коммент. Е.Р. Обатниной: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 3. М., 2000. С. 631–632). Наверняка в Берлине обнаружилось совпадение давних интересов новых знакомых, поскольку оказалось, что сказочный мотив ожившего колдуна-мертвеца привлек и Пинегина, который в 1909 г. в одной из своих публикаций, посвященных путешествию на Новую землю, привел собственную запись услышанной им в этих краях лопарской сказки (см.: *Пинегин Н.В.* Из сказок Лапландского Севера: Листки из записной книжки туриста // Известия Архангельского Общества изучения Русского севера. 1910. № 17. С. 27–33). Сказка о колдуне-мертвеце была републикована на страницах рождественского номера берлинской газеты «Дни» уже под самостоятельным названием «Нойда» (1922. 24 дек. № 48. С. 1; под общим заголовком «Святочные рассказы»), Пинегин же к своим необычным заслугам, отмеченным на карте Русского Севера, получил новый фантастический титул и звание «Кавалера, художника и посла самоедского при Обезвельволпале» (см.: *Осинов С. Я.* Разрядная Роспись людям Обезьянней Великой и Вольной Палаты // Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 355). В Берлине художник сотрудничал с издательством Е.А. Гутнова, выпускавшим журнал «Сполохи» и серию книг под названием «Библиотека Сполохи». В частности, по заказу Гутнова художник выполнил иллюстрации к новеллам Ремизова из посолонного цикла (1906), получившим название «Красные поигрунки» (впервые: Игра: Непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. СПб.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. № 3. Ч. 2. С. 57–64). Идея продолжить публикацию детских народных игр в ремизовской обработке возникла, очевидно, летом 1922 г., однако осенью этот проект не был востребован. В связи с переменами издательских планов изза непредвиденных расходов на книгу (отказ издательства по финансовым причинам изложен в письме Гутнова Ремизову от 27 октября 1922 г. – Amherst. В. 1. Ф. 6. Р. 45) Пинегин писал Ремизову 11 октября 1922 г.: «...ежели дело с “Поигрунками” расстроилось, рисунки Гутнову нечего держать – пусть немедленно вернет их Вам и снимет мое имя

с объявлений. <...> О дальнейшей судьбе иллюстраций загадывать пока не будем, надеюсь переговорить с Вами лично. Но по другим издательствам трепать картинки мне не хочется» (Amherst. В. 2. Ф. 7. Р. 16). Отдельное издание «Красных погрунков» с иллюстрациями Пинегина не состоялось, между тем на основании появившихся в печати анонсов эта книга оказалась включена в библиографию писателя (см.: *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиографии / Отв. ред. К.Д. Муратова. СПб., 1993. С. 140). Издательство Е.А. Гутнова 6 ноября вернуло Ремизову и его рукопись, и «картины» Пинегина (Amherst. В. 1. Ф. 6). Другой несостоявшийся проект был связан с отдельным изданием ремизовского «Царя Максимилиана», которое по настоянию писателя издательство «Век культуры» предполагало выпустить с иллюстрациями Пинегина (об этом в письме представителя издательства Сергея Сочивко от 13 июля 1922 г.: Amherst. В. 1. Ф. 6. Р. 45). См. примеч. 34.

²² *Соколов-Микитов Иван Сергеевич* (наст. фам. Соколов; 1892–1975) – прозаик, литературный критик, мемуарист; участник I мировой войны; летчик-бомбардировщик; в 1919–1920 г. матрос грузовой торговли, совершавший рейсы в Европу; с 1920 г. – в вынужденной эмиграции в Англии; в мае 1921 г. поселился в Берлине; член берлинского Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал в изданиях русской периодической печати («Новая русская книга», «Жар-птица», «Сполохи», «Голос России»). См. его автобиографический очерк, охватывающий период с 1918 по февраль 1922 г., в рубрике «Писатели – о себе» журнала «Новая русская книга» (1922. № 2. С. 41), а также воспоминания, запечатлевшие писателя в эмигрантской среде (*Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. В 3 т. Т. 1: Россия в Германии. М., 2001. С. 118–120). Дореволюционная биография писателя и берлинский период его жизни представлены также в кн.: *Смирнов Мих.* Иван Соколов-Микитов: Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 20–44. В августе 1922 г. писатель вернулся в Россию. В Берлине произошла встреча Соколова-Микитова с близкими знакомыми, с которыми его свела судьба в 1910-е гг. С упомянутым в данном письме художником Н.В. Пинегиным Соколов-Микитов был связан дружескими отношениями с 1919 г. (см.: *Соколов-Микитов И.С.* Полярный художник // Соколов-Микитов И.С. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 2007. С. 263–279). Весной 1922 г. Пинегин, готовясь к возвращению в Россию, нарисовал портрет Соколова-Микитова. Об этой графической работе, в частности, упоминалось в анонимной заметке Ремизова «Из жизни художников в Берлине» (1922. № 938, 9 апр. С. 7). Портрет сохранился в архиве Соколова-Микитова (ИРЛИ. Ф. 823. Оп. 1. № 29). С Ремизовым Соколов-Микитов познакомился в 1912 г. Обстоятельства тесного дружеского общения отражены в письмах 1913–1919 гг.: *Соколов-Микитов И.С.* Письма к А. М. Ремизову // Соколов-Микитов И.С. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1987. Т. 4 / Сост. П. П. Ширмаков; Подгот. текста, примеч. А.Н. Гершаника и В.Н. Сажина. С. 261–282. О политической сатире обоих писателей, выступавших под псевдонимами на страницах петроградской «Простой газеты партии социал-революционеров для города и деревни» (1917–1918), см.: *Субботин С.И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205–215. В июне 1922 г. Ремизов работал над главой «Всеобщее восстание» для «Временника», публиковавшегося в журнале «Эпопея», добавив в текст обновленную редакцию своей новеллы «Слово серебро – молчание злато» (Простая газета. 1917. № 20, 3 дек. С. 3; подписана псевдонимом: *Федор Бублов*). В контексте «Временника», представлявшего собой художественную версию дневника писателя за 1917–1921 гг., рассказанную Ремизовым, новелла получила новое название «Молчальник», а ее вымышленный герой Назарыч был преобразован в реального участника и свидетеля петроградской жизни – И.С. Соколова-Микитова (впервые: Эпопея. 1922. № 2. С. 83–84. См. также: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М., 2000. С. 61).

²³ Э.М. Каплун, которая в записях Ремизовых упоминается и как Эмилия, и как «Ел<ена?> Моис<еевна> Каплун», под прозвищем «Бирюлька». К записи С. П. Ремизова-Довгелло от 24 декабря 1921 г., описывающей диалог с Бирюлькой в кафе «Дома искусств», Ремизов, после смерти жены в 1945 г., оставил позднейший комментарий: «<...> Бирюлька вышла замуж за прогневшего старца-безобразника Вальдена [Sturm], а Солонмон стрелялся и потом женился на даме морфинистке. Померла Бирюлька. Туберкулез. Помер и Сол<омон> Каплун († 1940), и осталась их дочь в Москве да этот измзанный

мазиями Вальден. Мне жалко и Бирюльку, нежное существо, и Соломона, еврейский Хлестаков, хорошие люди, за меня всегда вступались, в Берлине, и здесь, в Париже – уже Сумский А.Р.]» (Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки». Тетрадь с записями, скопированными и откомментированными А.М. Ремизовым // ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 292. Л. 144). По непроверенным сведениям Э.М. Каплун умерла от туберкулеза в 1930 г. Мотивы неприязненного отношения Ремизова к Вальдену не выяснены. В момент записи он не мог знать о трагической судьбе Херварта Вальдена (наст. имя: Herwarth Walden Georg Levin, 1878–1941), который был видной фигурой немецкого авангарда, литератором, композитором; в 1910 г. он основал журнал «Sturm» и открыл одноименную галерею, где в 1927 г. устроил выставку рисунков Ремизова; в 1932 г. по идеологическим убеждениям, несовместимым с национал-социализмом, уехал из Германии в Москву; в 1941 г. был арестован, этапирован в Саратов, где умер в тюрьме (https://de.wikipedia.org/wiki/Herwarth_Walden).

²⁴ Букв.: Чем больше квакает лягушка перед Марком, тем тише она после него (нем.). Народная примета, распространенная на севере Германии, связана с днем памяти Св. Апостола и Евангелиста Марка (25 апреля). Биологическое поведение земноводных отражает изменение циркуляции воздуха в конце апреля. Лягушки квакают во влажном климате, связанном с действием атлантического циклона, который в свою очередь вызывает выпадение значительного уровня осадков. Лягушки замолкают, когда наступает сфера высокого давления. Таким образом, если лягушки в начале апреля квакают, это значит, что к концу месяца наступит продолжительная засуха.

²⁵ Оригинал представляет собой тетрадный лист, на который наклеены вырезка из календаря (надпись «январь») и почтовая открытка с рисунком – жена с метлой преследует мужа, убегающего в домашних тапочках, – и надпись: «Da werden Weiber zu Hyänen... Prosit. Neujahr!» (нем. букв.: «Так женщины становятся гиенами... Ваше здоровье! С Новым годом!»). На открытке надпись рукой Ремизова: «1.1.1922. Берлин. Серафиме Павловне Ремизовой. Алексей Ремизов <подпись>» (ОРФ ГЛМ. Ф. 156).

²⁶ Южный Яков Давидович (1883–1938) – актер, конферансье, режиссер; 20 декабря 1921 г. открыл в Берлине «Русско-немецкий театр-кабаре Якова Южного», который в дальнейшем получил название «Синяя птица» (просуществовал до 1937 г.).

²⁷ Литератор, переводчица Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941) и поэт, философ Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленский; 1855–1937), связанные между собой длительной историей любовных отношений, в Берлине заняли активную общественную позицию. В частности, они, как Ремизов, стали инициаторами берлинского Дома искусств, учрежденного 29 ноября 1921 г. – Минский (председатель), Ремизов (товарищ председателя), Венгерова (казначей). Подробнее о составе берлинского ДИСКА см. заметку «Дом искусств в Берлине» (Бюллетени Дома искусств. Берлин, 1922. № 1–2, 17 фев. Стб. 21). В своих политических взглядах Минский и Венгерова склонялись к сменовеховству, что откорректировало отзывы о них в письме С. П. Ремизовой-Довгелло от 10 декабря 1921 г., адресованном З. Н. Гиппиус, ввиду радикально противоположной политической установки адресата: «Венгерова мне очень не нравится, и вот она мне кажется злой и вредной, она какая-то, как Ал<ексей> М<ихайлович> ее нарисовал с красной звездой в турнюре сзади, противная» (Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатниной (в печати)).

²⁸ Угроза выселения Ремизовых из съемной квартиры возникла в начале ноября 1922 г. В декабре 1922 г. префектура Берлина приняла решение о тотальном выселении граждан иностранного происхождения в связи с незаконными валютными операциями. Ремизов в письме от 8 декабря жаловался С. Я. Осипову: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем, не можем найти. (Все гонятся за валютчиками)» («В России, как встретимся, будем вспоминать...»). I Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст., коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 253). Ремизовым было предписано не только оставить квартиру, но и выехать из Берлина в двухнедельный срок. Сложившуюся ситуацию Ремизов описал в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благоприятная валюта, догадывались по полицейскому извещению: “Абт. I. А, фремденат”»,

и уверяли <...> меня, что высылают нас не иначе, как за “спекуляцию”» (Ремизов. А.М. Собр. соч.. М., 2003 Т. 10. Петербургский буерак. С. 139).

²⁹ Стиль поведения бесцеремонных персонажей Артамошки и Епифашки из сказки Ремизова «Зайка» (1905): «И стала Зайка их в комнаты пускать. А как влезли они в комнаты, – тут уж ничем их не выживешь. Зайка скачет, беленькая пляшет, а они мороками по башенке бродят, все трогают, все нюхают, а то в игры свои играть примутся: либо угощают друг дружку мордой об стол, либо в окно выбрасываются, – такие эти были Артамошка с Епифашкой» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М., 2000. С. 79).

³⁰ Дроздов Александр Михайлович (1895–1963) – писатель, редактор журнала «Сполохи» (1921–1923), сотрудник берлинского издательства Евгения Александровича (Соломоновича) Гутнова (1888–?). Подробнее о Дроздове см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Равевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 80–106. См. также рецензии Дроздова, посвященные творчеству Ремизова в 1921–1922 гг. (А.М. Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016).

³¹ Подразумевается сотрудник берлинского издательства «Русское творчество». Письма Г. Киреева за 1922 г. касаются корректурных вопросов вышедших в этом издательстве книг Ремизова: «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове (Неумный бубен)», «Сказки обезьяньего царя Асыки», «Ё: тибетский сказ» (Amherst. В. 1. F. 7).

³² Предположительно, ошибка в написании названия минерального источника в Карловых Варах: Muhlbrünnen (нем.).

³³ Подразумевается дом в курортном городке Бад Сааров, расположенном на берегу озера Шармютцельзее, где отдыхала семья издателя Зиновия Исаевича Гржебина (1877–1929).

³⁴ Речь идет о подготовке к изданию текста драмы «Царь Максимилиан» по заказу издательства «Век Культуры» – «Wiek Kultury» (Danzig), вступившего с Ремизовым в переписку в начале мая 1922 г. (Amherst. В. 1. F. 5; издательские письма на русском языке подписаны Ив. Германном). Несмотря на то, что это драматическое произведение было дважды опубликовано в России в 1920 г. (Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова. По своду В. В. Бакрылова. Пб.: Алконост; Пб.: Гос изд-во), издательство «Wiek Kultury» приняло его в производство, заплатив Ремизову гонорар 8000 немецких марок (Amherst. В. 1 F. 5. P. 109). В июльском номере журнала «Новая русская книга» был помещен анонс издательских проектов «Века культуры», в котором, в частности, сообщалось о приобретении рукописи «Царя Максимилиана» (1922. №. 7. С. 30). Однако проект так и не был доведен до завершения.

³⁵ Неустановленное лицо. В квадратных скобках рядом с инициалами Ремизов, очевидно, не смог восстановить в памяти полное имя, оставив пустое место.

³⁶ Киреев выполнял машинописный набор текстов Ремизова для издательства Гутнова.

³⁷ *Абрам Григорьевич Вишняк* (1895–1943) – владелец образованного в Москве в 1918 г. издательства «Геликон», успешно возобновивший книгоиздательскую деятельность в 1920 г. в Берлине. В 1922 г. выпустил в свет первый том книги Ремизова «Россия в письменах», а также в издаваемом им журнале «Эпоха» (под ред. Андрея Белого) опубликовал рассказ «Веретейка» (№ 1) и главы «Временника» (№1, 2).

³⁸ Министерство иностранных дел. Речь идет о получении вида на жительство в Берлине.

³⁹ *Алексеев Глеб Васильевич* (наст. фам. Чарноцкий; 1892–1938, в заключении) – прозаик, журналист; в Гражданскую войну оказался случайным эмигрантом: заболел сыпным тифом, находился в госпитале, который был эвакуирован из Новороссийска в Константинополь; работал в разных странах Южной Европы; в Берлин переехал в 1921 г.; некоторое время исполнял обязанности редактора «Книгоиздательства писателей в Берлине»; в 1922 г. образовал литературно-художественное содружество «Веретено» и два перио-

дических издания, отражающих деятельность и программу содружества, – вестник критической мысли и сатиры «Веретеныш» (первый номер вышел в августе 1922 г.), а также литературно-художественный альманах «Веретено», в единственном номере которого (вышел из печати в ноябре), в частности, была опубликована сказка Ремизова «Христов Крестник» (С. 189–196). См. также содержание устава «Веретена» и состав Совета в разделе «Литературная хроника» (Новая русская книга. 1922. № 5, май. С. 27). Подробнее о содружестве «Веретено» см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris: YMCA-Press, [1983]. С. 85–86. См. также очерк, посвященный Ремизову в Берлине: *Алексеев Г.* Алексей Ремизов // *Сполохи*. 1923. № 17/18. С. 44–45; *Алексеев Г.* Живые встречи. Берлин: Мысль, 1923. С. 5–10.

⁴⁰ Очевидно, визит представителей объединения «Веретено» был связан с планируемым в октябре литературным вечером, анонс которого появился во втором номере вестника критической мысли и сатиры «Веретеныш». Здесь сообщалось, что «в этом месяце в Берлине состоится первое публичное выступление писателей группы “Веретена”. Выступят с чтением новых произведений писатели А. Ремизов, Ив. Лукаш, Александр Дроздов, Глеб Алексеев и поэт Вл. Пиотровский. Кроме того, выступят артисты русских и берлинских театров» (Веретеныш. 1922. № 2, окт. С. 8). Тема вечера, по-видимому, изменилась (см. отчет о вечере: Веретеныш. № 3, нояб. С. 6) в связи с отказом участников группы «Серapiroновы братья» сотрудничать в «Веретеныше». См. письмо М. Слономского (вторая половина октября 1922 г.), в котором лаконично выражено негативное отношение «серapiroнов» к новому берлинскому изданию (Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М., 1963. С. 384). Очевидно, что отношение к «Веретенышу» было реакцией на критику Г. Алексеева, упрекавшего «братство» в оторванности от классической русской литературы, с одной стороны, и в эпигонстве Ремизову, с другой (см.: *Гл.А. <Алексеев Г. В.> Серapiroновы братья // Веретеныш*. 1922. № 2, окт. С. 9).

⁴¹ Речь шла об участии Ремизова в альманахе «Веретено». См. анонс альманаха и публикации сказки Ремизова «Христов крестник»: Веретеныш. 1922. № 1, авг. С. 8.

⁴² *Уманский Дмитрий Александрович* (1901–1977) – переводчик русской литературы на немецкий язык, публицист, брат дипломата К.А. Уманского. См. переводы Уманского рассказов «Мурка», «Цветник», «Пупочек», «Богомолье», «Чудо» и «Заборы», опубликованные в немецкой и чешской периодической печати в 1922–1923 гг. (А. М. Ремизов: Библиография (1902–2013); по указ. прижизненных публикаций А. М. Ремизова). Речь идет о письме Уманского от 16 мая 1922 г., в котором он отвечал на вопросы Ремизова, поставленные в связи с предложением Уманского предоставить тексты своих произведений для проекта издательства «West-Ost Verlag» (Лейпциг; Вена), которое объявило о намерении выпустить 35-томную серию «библиотеки русской литературы» от классиков XIX в. до писателей современности. В серии «Russische Bücherei» под редакцией Уманского предполагалось участие известных Ремизову переводчиков (в частности, А. Лютера, Ф. Фриш и др.). Судя по письму Уманского, Ремизов в своем письме от 11 мая подробно в 11 пунктах <sic!> расспрашивал переводчика об условиях публикации, включая вопросы о предоставлении корректур, гонораре, сроках издания (Amherst. В. I. F. 5).

⁴³ Подразумевается письмо *Николая Николаевича Никитина* (1895–1963) – писателя из литературного объединения «Серapiroновы братья», датированное 2–9 мая 1922 г. См.: Письма С. Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А. М. Ремизова: 1920-е гг. // Публ. Е. Обатиной // Архив советской эпохи: сб. (в печати).

⁴⁴ *Вера Лазаревна Вишняк* (урожд. Аркин; 1896, по др. сведениям 1898 – ?) – жена владельца издательства «Геликон» А.Г. Вишняка.

⁴⁵ Неустановленное лицо.

⁴⁶ *Северинг Карл Вильгельм* (Зеверинг; Carl Wilhelm Severing; 1875–1952) – политический деятель, социал-демократ, в 1920–1930 гг. возглавлял министерство внутренних дел Германии и Пруссии.

⁴⁷ Очевидно, речь идет о собраниях Русского Академического Союза в Германии, учрежденных 3 июня 1920 г. профессором А.И. Каминкой для защиты научных, правовых и профессиональных интересов организации русских ученых, находившихся в Берлине. Объединение русских ученых также ставило целью принять на себя заботу о русских студентах в Германии, содействовать проживающим в России ученым к установлению их связи с научным миром за границей вообще и особенно в Германии. Для выполнения целей Союз организовывал моральную и материальную поддержку ученым, постоянно проживающим в России, устраивал научные собрания, лекции и систематические курсы по отдельным отраслям научного знания, а также снабжал русских ученых в Германии и в России специальной научной литературой. В 1922–1923 гг. Академическая группа выпустила в издательстве «Слово» под ред. проф. А.И. Каминки четыре сборника научных трудов. Инициатива Дома Ученых в Берлине, поддерживалась Горьким как основателем Дома Ученых в Петрограде (открыт 31 января 1920 г.). Идея учреждения собственно «Дома ученых» в Берлине так и не была доведена до осуществления.

⁴⁸ Ср. оригинал письма, в котором отсутствует пассаж о Минском. Очевидно, Ремизов внес в текст письма колоритную деталь публичного поведения Минского, опираясь на одно из выступлений поэта и философа в берлинском Доме искусств. Ср. также стиль Минского, отмеченный другим очевидцем: «...не верилось совсем, когда Николай Максимович рассказывал: “познакомившись с Достоевским...” У поэтессы, спросившей о возрасте, он взял палец и провел им по своим челюстям: “у молодых это видали? то-то!” – засмеялся Николай Максимович и продолжал: “однажды гуляли с Тургеневым...”» (*Гуль Р. Жизнь на фукса. М.; Л., 1927. С. 210*).

⁴⁹ Параллельно с идеей организации «Дома ученых» в Берлине (см. примеч. 47) Горький занимался подготовкой «издания Дома Ученых» – «информационного журнала по вопросам науки и техники» (в другом варианте: научно-литературного журнала), в первоначальных планах носившего название «Путник». Ср. анонс: «В Берлине в ближайшее время начнет выходить научно-литературный журнал “Путник”, предназначенный для распространения, главным образом, в России. Новый журнал предполагается издавать по типу так называемых “толстых журналов” в 25 печатных листов. Главными руководящими силами журнала будут: М. Горький, проф. Ф.А. Браун, академик Ольденбург, проф. Пинкевич. Получено согласие на участие в журнале писателей Толстого, Ремизова, а также ведутся переговоры с виднейшими литературными силами Англии, Германии, Франции и др. <...> Редактироваться журнал будет в Берлине (Горьким и проф. Брауном) и в Петрограде (акад. Ольденбург и др.). <...> Цель журнала <...> – всестороннее ознакомление русского читателя с мировой литературой и научной и общественно-политической жизнью Запада» (Новый журнал «Путник» // *Накануне*. 1922. № 16, 13 апр. С. 5). См. также письма Горького А.П. Пинкевичу, Г.Д. Гребенщикову, Г. Уэллсу (*Горький М. Полное собрание сочинений: В 24 т. М., 2009. Т. 14. С. 42, 43, 48–49*). Результатом этих проектов стал журнал литературы и науки «Беседа», выход первого номера которого состоялся в июне 1923 г.

⁵⁰ Книга Ремизова «Кукха. Розановы письма» увидела свет в издательстве З.И. Гржебина 19 декабря 1923 г.

⁵¹ *Максим Горький* (Пешков Алексей Михайлович; 1968–1936) при поддержке Ленина выехал за границу 6 октября 1921 г. В последующие три года он проходил лечение в санаториях Германии и Чехословакии. Речь идет о его кратковременном приезде в Берлин из курортного городка Бад Сааров.

⁵² Весной 1922 г. *Алексей Николаевич Толстой* (1883–1945) переехал из Парижа в Берлин после череды инцидентов, связанных с началом его деятельности как редактора литературного приложения к сменовеховской газете «Накануне». Подробнее см.: *Толстая Е.* 1) Человек меняет вехи: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: К 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472; 2) Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 214–224.

⁵³ *Родэ* (Роде) Амалий (Адолий) Сергеевич (1879–1930) – владелец петербургского ресторана «Вилла Родэ», популярного в литературно-художественной среде 1910-х гг.; в годы революции заведующий столовой в Театральном отделе Наркомпроса. В 1920–

1921 г. – заведующий хозяйством Петроградской Комиссии улучшения быта ученых и директор Дома ученых. Эмигрировал как литовец по происхождению. См. о встрече с Родэ в Берлине очерк Ремизова «Алексей Максимович Пешков – (1868–1936)» (*Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 284–285*).

⁵⁴ *Пинес Ефим Семенович (?–1933)* – сотрудник берлинского издательства «Скифы».

⁵⁵ *Ольга Михайловна Персиц* – писательница, переводчица произведений русских писателей на английский язык; в 1913–1914 г. переводила повести и рассказы Ремизова; об этом в ее письмах Ремизову (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 149); сестра Тамары Михайловны Персиц (в первом браке Кубеко; лит. псевд. Эванс; ?–1955) – писательницы; владелицы издательства «Очарованный странник» (1918), жены Артура Лурье. См. также упоминания об О.М. Персиц в Дневнике Ремизова (1917–1921 гг.): *Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5. М., 2000* (по имен. указ.).

⁵⁶ По-видимому, аллюзия на заключительный пассаж лирического отступления поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине!» (гл. 11).

⁵⁷ Подразумевается стихотворения «Махно» *Николая Семеновича Тихонова* (1896–1979), публикации которого Ремизов в качестве эпиграфа предпослал цитаты из полученного от Б. Пильняка письма Е. Замятина с доброжелательной оценкой поэтического таланта молодого поэта, в ноябре 1921 г. присоединившегося к братству «серапионов» (Голос России. 1922. № 993, 18 июня. С. 6).

⁵⁸ Идеологическое и политическое направление, возникшее в 1920 г. в эмиграции, лидеры которого (Ю.В. Ключников и Н.В. Устрялов) выдвинули программу сотрудничества с Советской Россией. В июле 1921 г. в Праге был издан сборник «Смена вех», собравший статьи видных философов, социологов, политических деятелей либерального направления, продемонстрировавших новый взгляд на ответственность интеллигенции за дальнейшее историческое развитие России, согласно которому национальные интересы страны должны быть поставлены выше политических разногласий с победившей партией большевиков. Появление сборника в значительной мере раскололо эмигрантский контингент начала 1920-х гг., усилив настроения «возвращенчества». Органами печати сменовеховства за рубежом стал одноименный журнал (Париж, 1921–1922) и газета «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В России идеологию сменовеховства с несколькими смещенными акцентами пропагандировал корреспондент Ремизова в 1922–1926 гг. И.Г. Лежнев в выходившем под его редакцией журнале «Новая Россия» (1922–1923). См. также главу «Сменовеховцы» в мемуарах участника этого движения в эмиграции: *Гулл Р. Я унес Россию: Апология эмиграции в 3 т. Т. 1: Россия в Германии. С. 219–227. Об отношении Горького к сменовеховству подробнее см.: Примочкина Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 95–107.*

⁵⁹ См. примеч. 21, 34.

⁶⁰ Поздний комментарий Ремизова, очевидно, искажает мотивы переработки текста «Царя Максимилиана», поскольку предложения Ремизову, связанные с постановкой драмы в 1922 г. не выявлены. См. также примеч. 21, 34.

⁶¹ *Пинкевич Альберт Петрович* (1883–1939) – профессор-геолог, доктор педагогических наук, издательский работник, заместитель М. Горького в Петроградской комиссии по улучшению быта ученых, благодаря которой 15 октября 1920 г. Ремизову, вместе с М. Кузминым, А. Блоком, Ф. Сологубом и Н. Гумилевым, был назначен академический паек в столовой при «Доме ученых»; в начале 1922 г. командирован в Берлин в качестве заместителя З.И. Гржебина в его издательстве. Перед отъездом в Петроград (18 мая) Пинкевич отправил «Рапорт» – «светлейшему князю обезьяньему Ремизову Алексею <от> кавалера обезьяньего знака неизвестно какой степени Пинкевича Альберта», в котором объявил о конце «жития берлинского» и просил о встрече утром 20 мая (Amherst. V. 1. F. 9. P. 316–317). Очевидно, встреча была перенесена на вечер.

⁶² Прославившаяся в России 1910-х гг. исполнительница цыганских романсов *Настя* (Анастасия Алексеевна) *Полякова* (1877–1947); эмигрировала в 1920 г. в Константинополь; в начале 1920-х концертировала во Франции и Германии.

⁶³ В Нижнем Новгороде А.М. Пешков родился и провел юность.

⁶⁴ *Талов Марк Владимирович* (католическое имя Марк-Людовик; 1892–1962) – поэт, переводчик, мемуарист; жил в Париже с 1913 г.; вошел в круг поэтов и художников французского авангарда 1910-х – начала 1920-х гг.; автор нескольких поэтических сборников; во Франции принял католичество и подписывался именем, данным при крещении: Марк-Людовик Талов; в мае 1922 г. приехал в Берлин в надежде с помощью русских эмигрантов получить разрешение на возвращение в Россию; в августе 1922 г. вернулся в Москву при поддержке Ремизова (см. нашу статью «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.», с. 35 наст. изд.). В архиве Ремизова сохранилось стихотворение Талова «В корчах голода» (май 1922 г.) с посвящением Ремизову (Amherst. В. 1. F. 2. P. 107–107). Письма Ремизова и дарственные надписи на книгах, подаренных Талову во время его пребывания в Берлине, см.: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы. М., 2005 (вклейка иллюстративных материалов).

⁶⁵ Полицейское управление (нем.).

⁶⁶ *Шрейбер Яков Самойлович* – инженер; близкий друг Л. Шестова; знакомство с Ремизовым восходит к июлю 1911 г., когда писатель во время заграничного путешествия останавливался в доме Шрейберов в Берлине.

⁶⁷ Намерения Талова перевести произведения Ремизова на французский язык остались неосуществленными.

⁶⁸ *Полисадов Владимир Ионович* (Полисадов-Шарлай; Polissadoff; V. Polissadiw-Charlaï; 1883 – после 1940) – художник-авангардист; с 1911 г. жил во Франции, в 1914–1923 гг. – в Швейцарии. Вероятно, знакомство Ремизовых с ним относится к 1903 г., когда они недолго останавливались в Одессе, где прошли детство и юность Полисадова. В письме Ремизову от 15 июня 1922 г., отправленном из швейцарского городка Лутри, Полисадов, очевидно, по просьбе М. Талова, сообщал: «Уважаемый Господин Ремизов, Талов Марк-Людовик поэт и мой возлюбленный ученик обернулся до меня с маленькою листвочкою поведомляючи из Берлина о Вашем с Серафимой Павловной здоровии...» (Amherst. В. 1. F. 5. P. 184).

⁶⁹ После организованной Толстым публикации «Открытого письма» председателю Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции Н.В. Чайковскому (см.: Открытое письмо гр. А. Толстого Н.В. Чайковскому // Накануне. 1922. № 17, 14 апр. С. 2) по инициативе З.Н. Гиппиус состоялась исключение писателя из этого сообщества русской интеллигенции (см.: Письма З.Н. Гиппиус – С. П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Обатиной (в печати); п. от 12 мая 1922 г.). Затем последовало отчуждение Толстого от парижского Союза русских писателей и журналистов, что, по сути, стало подтверждением тенденции русской творческой диаспоры к расколу по линии политических интересов. См. публикацию писем П.Н. Милокова от 19 апреля, направленных одновременно сотрудникам газеты «Накануне» – А.Н. Толстому, И.М. Василевскому (Не-Букве) и А. Ветлугину (В.И. Рындзюну), об исключении их из Союза русских писателей и журналистов (Парижская контр-разведка // Накануне. 1922. № 26, 27 апр.; там же опубликованы заявления троих литераторов о выходе из Союза). В Берлине метаморфозы Толстого также не остались без общественной реакции: 30 мая в Союзе русских журналистов и литераторов в Германии было устроено Чрезвычайное собрание, на повестку дня которого был поставлен вопрос об исключении из членов Союза журналистов, работающих в газете «Накануне». В прениях радикальную точку зрения высказал С. И. Гессен. См. также об этом поворотном периоде жизни Толстого: *Толстая Е.* Человек меняет веки: Алексей Толстой по пути из Парижа в Берлин // Шиповник: К 60-летию Романа Давыдовича Тименчика. М., 2005. С. 446–472.

⁷⁰ Несомненно, Ремизов проецирует ситуацию с Толстым на эпизод личной биографии 1909 г., когда после обвинения в плагиате некоторые журналисты поднимали вопрос о его «изгнании» из писателей. См.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатиной // Русская литература. 2015. № 3. С. 155.

⁷¹ Курорт на Балтийском море, расположенный на границе с Польшей, где с 12 по 25 июня 1922 г. находилась на санаторном лечении Ремизова-Довгелло.

⁷² *Постников Сергей Порфирьевич* (1883–1965) – историк, библиограф, с которым Ремизов был хорошо знаком со времени сотрудничества в основанном Постниковым неонародническом журнале «Заветы» (1912–1914), а также в газете «Дело народа», учрежденной также Постниковым в марте 1917 г., и в петроградском издательстве «Революционная мысль», выпустившем повесть Ремизова «Страница» (1918). В 1922–1923 гг. жил в Берлине, где заведовал литературно-художественным отделом газеты «Голос России»; с 1923 по 1945 г. – в Праге, один из организаторов пражского Русского заграничного исторического архива; редактировал (1923–1927) журнал «Революционная Россия».

⁷³ *Владимир Михайлович Зензинов* (1880–1953) – политик, общественный деятель, публицист, член ЦК партии эсеров; член редколлегии «Современных записок».

⁷⁴ *Слоним Марк Львович* (1894–1976) – литературный критик, публицист, редактор литературного отдела журнала «Воля России» (1922–1932).

⁷⁵ См. примеч. 11.

⁷⁶ Судя по поздней ремарке Ремизова, содержащей вопросительный знак, писатель не смог восстановить смысловое значение слова «дол-нео-вес».

⁷⁷ *Шрейдер Александр Абрамович* (1894 или 1895 – 1930) – философ, журналист, один из лидеров партии левых эсеров; в 1918 г. председатель Петроградского революционного трибунала печати; с 1921 г. жил в Берлине, являясь заграничным представителем партии левых эсеров; основал издательство «Скифы».

⁷⁸ Речь идет о главах будущего романа «Взвихрённая Русь», которые первоначально печатались под общим заголовком «Временник Алексея Ремизова» в московском журнале «Народоправство», выходящем в 1917 г. под редакцией Г.И. Чулкова, и представляли собой персональный дневник революционного времени. В Берлине публикация глав ремизовского «Временника» была продолжена в журнале «Эпопея», выпускаемом издательством «Геликон» под редакцией Андрея Белого. См.: Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Весенняя рынь. 23–27.II.1917 // *Эпопея*. 1922. № 1. С. 41–86; Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Орь. 27.II – 1.VI. 1917 // *Там же*. 1922. № 2. С. 61–104; Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Мятень. 1.VI – 10.VII.1917 // *Там же*. 1922. № 3. С. 68–124.

⁷⁹ Ремизов не вписал фамилию в текст рукописи. Однако очевидно, что речь шла об *Анне Ильиничне Денисевич* (имя до 1908 г.: Матильда; в 1-м браке Карницкая; 1883–1948) – второй жене Л.Н. Андреева, матери Саввы, Веры и Валентина Андреевых. Денисевич жила на окраине Берлина, в известном своим парком районе Грюневальд (см. упоминание о Денисевич в Берлине в воспоминаниях ее пасынка: *Андреев В.* История одного путешествия. М., 1974. С. 246).

⁸⁰ *Серафима Павловна Линдерхаус* (S. Linderhaus) – постоянная корреспондентка С. П. Ремизовой-Довгелло в 1920-х гг. Ср. оригинал письма.

⁸¹ Ремизова-Довгелло гостила в загородном доме семейства Гржебиных на курорте Бад-Сааров до 12 июня 1922 г. Очевидно, в закавыченных словах заключалась ироническая «угроза» Гржебиным, только что проводившим жившего у них в течение нескольких месяцев А.П. Пинкевича.

⁸² *Маделунг Аггей (Оге, Ааге) Андреевич* (1872–1949) – датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. См.: Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П.У. Мёллера. Copenhagen, 1976.

⁸³ См. о ней: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной (окончание) // Русская литература. 2016. № 2. С. 187.

⁸⁴ *Залишупин Сергей Александрович* (псевд. Серж Шубин (Choubine); Zalchourpine, Zalshupin S.; 1898, по другим данным 1901–1931) – график, живописец. Эмигрировал в Берлин в 1921 г.; сотрудничал в эмигрантских издательствах, в частности в журнале

«Сполохи»; в марте 1922 г. написал портрет Ремизова, опубликованный в журнале «Сполохи» (1922. № 8. С. 25). См. упоминание об этой графической работе в заметке «Выставка художника С. Залшупина» (Руль. 1924. № 993, 11 марта. С. 6). Портрет с автографом Ремизова: «Нарисован я тут замурлотанный <sic!> / так должно быть и есть: то-то, д-о!жно> б<ыть>, невесело со мной. Алексей Ремизов. 20 III 1922», – воспроизведен в изданиях: Русский альманах. Париж, 1981 (вклейка); Русский миръ: альманах. СПб., 2014. № 9. С. 79.

⁸⁵ *Ида Федоровна Ремизова* (урожд. Рюккерт; 1873–1958) – жена старшего брата писателя, Виктора Михайловича Ремизова.

⁸⁶ Неустановленное лицо.

⁸⁷ Речь идет о частях главы «Всеобщее восстание. Орь. 27/II – 1/VI 1917» из «Временника Алексея Ремизова» (I. «Пряники»; II. «Палочки»; III. «О мире всего мира»), которую писатель готовил для публикации во втором номере журнала «Эпопея» (1922. № 2. С. 61–74). Впоследствии эти тексты вошли в состав главы «Медовый месяц» романа «Взвихренная Русь» (1927).

⁸⁸ Das Wohnungsamt (нем.).

⁸⁹ Der Schein – свидетельство (нем.).

⁹⁰ Немецкая переводчица и поэтесса *Фега Фриш* (Frish; 1873–1942) впервые обратилась к Ремизову с просьбой предоставить авторское согласие на переводы его произведений в письме от 6 ноября 1909 г. См. о ней также: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014. Part I. P. 325–338. (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

⁹¹ Речь идет о деревне Брайтбрунн на озере Ammersee (Breitbrunn am Ammersee), где Ф. Фриш предложила писателю и его супруге снять комнату и совершать радиальные прогулки по местным достопримечательностям (Amherst. В. 1. F. 5; п. от 5 июля 1922 г.). Путешествие по Верхней Баварии нашло отражение в повести Ремизова «По карнизам» (1929). Подробнее см. статью «Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг.», с. 36–37 наст. изд.

⁹² Церковь Св. Луизы в Шарлоттенбурге, получила название в начале 1820-х гг. в память о Королеве Луизе, скончавшейся в 1810 г.

⁹³ Издательство «Огоньки», основанное в Берлине в декабре 1921 г., в планах анонсировало выпуск русской беллетристики и поэзии, в том числе произведений Ремизова. См. об этом заметку «Новое издательство» (Руль. 1921. № 325, 11 дек. С. 7).

⁹⁴ Первоначальное название написанного в Петрограде романа (1917–1918), главы из которого появились в печати в 1923 г. в журнале «Русская мысль» (София; Прага; Берлин), а в 1950-е гг. публиковались под общим названием «Плачужная канава». См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. С. 283–448. Владелец издательства А.Г. Левенсон в письме Ремизову от 15 декабря 1921 г. вел переговоры об издании тома повестей и рассказов писателя (Amherst. В. 1. F. 1. P. 224), однако в 1922 г. «Огоньки» выпустили из печати повесть Ремизова «В поле блаkitном», а роман «Канава» был в 1923 г. переадресован Ремизовым в московское издательство артели писателей «Круг» (см. об этом: *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Т. 2. М., 2010. С. 21), но и в Москве публикация не состоялась.

⁹⁵ Прозвище Соколова-Микитова, данное ему Ремизовыми; связано с эпизодом биографии писателя – службой матросом на торгово-пассажирском пароходе «Королева Ольга», доставлявшем паломников из Одессы в Грецию на Святую гору Афон. В один из рейсов Соколов-Микитов сошел на берег и более двух недель путешествовал по старому Афону, проведя некоторое время среди монастырской братии. Афонские впечатления составили часть его книги «Об Афоне, о море, о Фурсике и о прочем...», выпущенной в 1922 г. издательством «Русское творчество» в Берлине. Ср. рецензию Р. Гуля на это издание: «Очерк “Об Афоне” – от него веет православным ладаном и темным

монастырским блюдом» (Новая русская книга. 1923. № 2. С. 16). Очевидно, в прозвище «монах» Ремизов вкладывал собственные корреляции с Гоносовой повестью «Что есть табак» (1906), которая была им написана на основе народных легенд и заветных сказок антиклерикального характера, а также с повестями из жизни афонского монашества.

⁹⁶ Речь шла о новом сборнике сказок. Очевидно, после очередного предложения издательству «Скифы», которое в 1922 г. уже выпустило книгу «Чакхыгыс-Таасу: Сибирский сказ» и готовило к выходу в свет книгу «Лалазар: Кавказский сказ» (издана летом 1922 г.), 22 июня Ремизов получил ответ А.А. Шрейдера, в котором издатель объяснял ситуацию на книжном рынке: «А насчет новой книги сказок – сейчас очень трудно. Ни один комиссионер сейчас сказок не хочет брать» (Amherst. B. 1. F. 2. P. 24).

⁹⁷ См. примеч. 31.

⁹⁸ Хлеб из непросеянной муки.

⁹⁹ Würstchen (нем.) – колбаски.

¹⁰⁰ Ausländer (нем.) – иностранец.

¹⁰¹ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) входил в круг литераторов, с которыми Ремизов тесно общался в 1918–1921 гг., сотрудничая в Петроградском отделении Театрального отдела Наркомпроса и Театральной коллегии Петербургского Театрального отдела (ПТО). Особенно писатели сблизились, когда в 1920 г. оказались соседями по первому советскому «общезжитию», получившему официальное название «Первый ОТЕЛЬ Петросовета» (Троицкая, 4). Шишков, испытывавший глубочайший пиетет перед ремизовским литературным дарованием и искреннюю дружескую привязанность к нему, стал добровольным поверенным Ремизова в разрешении финансовых и имущественных проблем, возникших после отъезда писателя из России. Речь идет о письме Вяч. Шишкова от 29 мая, в котором он сообщает об отправке в Берлин найденной ремизовской публикации рассказа «Оплешнички» (Моряк. 1918. № 2, май. С. 2–5), который впоследствии частично был включен автором в очерк «Семь бесов» в составе воспоминаний «Иверень».

¹⁰² Иллисон Леонид Иванович (1900–1922) – выходец из Эстонии; учился в Петрограде в Императорском Коммерческом училище; увлекался театром, посещал Школу актерского мастерства при Наркомпросе (ныне Академия театрального искусства) в 1918–1920 гг.; 5 августа 1921 г. оказался вместе с Ремизовыми в составе эшелона оптантов, направлявшихся из Петрограда в Эстонию. Испытания, пережитые вместе на пути из России, сблизил Ремизовых и молодого человека, которого они прозвали «Волк Волкович». После переезда Ремизовых в Берлин Иллисон просил писателя о содействии в получении визы в Германию для продолжения актерского образования. Ремизовы буквально взяли под опеку своего юного друга, стараясь помочь ему обосноваться в Германии. В начале 1922 г. молодой человек приехал в Берлин. При посредничестве Б. Пильняка, находившегося в феврале-марте 1922 г. в Берлине, удалось обеспечить ему финансовую помощь американской ассоциации помощи голодающим русским литераторам и ученым (АРА), которая была направлена через берлинский комитет помощи русским литераторам и ученым. Ходатайство о помощи Иллисону от 2 марта 1922 г., подписанное Б. Пильняком и Ремизовым, сохранилось в архиве Пильняка (РГАЛИ. Ф. 1576. Оп. 1. № 37. Л. 259). Эта поддержка оказалась чрезвычайно своевременной, поскольку очень скоро выяснилось, что юноша тяжело болен. Из-за стремительно развивавшегося туберкулеза легких ему понадобилась срочная медицинская помощь. 24 марта 1922 г. Иллисон известил писателя о том, что оказался в больнице (Amherst. B. 1. F. 2. P. 132–133). Благодаря американским денежным переводам молодой человек был переведен из больницы в санаторий Красного Креста (об этом в письме Иллисона от 27 июля: Amherst. B. 1. F. 2. P. 138–140). Спустя месяц Иллисон скончался, о чем Ремизов узнал из извещения, направленного на его имя представителем Красного Креста 3 сентября 1922 г. (Amherst. B. 1. F. 7. P. 148). На этом документе Ремизов оставил запись красными чернилами: «Так помер Волк Волкович, спутник наш дорожный из России эшелонем в Нарву 5 августа 1921 г. Хороший был Волк Волкович. Кавалер безымянного знака и обезьяний посол эстонский» (Там же).

¹⁰³ Ausweis (нем.) – документ. Речь идет о «персоналаусвайсах» (Personalausweis) – удостоверениях личности, имевших желтоватый цвет обложки. Этот документ выдавался

тем беженцам из России, которые могли достоверно доказать, что не могут получить советский паспорт или обратиться к советским властям. В персональаусвайсе была отметка, что документ выдается вместо паспорта для пребывания на территории Германии. По истечении трех месяцев документ возобновлялся (ср. в Приложении оригинал письма, где говорится о сроке до 12 сентября). Разрешение на пребывание в стране не давало права на жительство в той или иной местности Германии. Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 375.

¹⁰⁴ Ср. расшифровку литер в фамилии писателя, которая появилась во время работы над главами будущего романа «Взвихрённая Русь» в связи с новым образом подписи: «Я писал завитушато – и перо хорошее и сидеть удобно и свет такой, не темнит и не режет! – и в конце подпись свою вывел:

- с голубем, со змеей, с бесконечностью –
- с крылатым “з”, со змеиным “кси”
- с “Ъ” – в Алексее
- с “ижицей” – в Ремизове

и с заключительным “твердым знаком”» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 219). Подробнее о ремизовской автомифологии, заключенной в графическом изображении имени и фамилии, придуманном писателем в 1922 г., см.: *Безродный М.В.* Об одной подписи А. Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224–228.

¹⁰⁵ *Аксинья*, в других случаях Анисья – имя воображаемой прислуги («няньки»), работу которой выполнял Ремизов. Ср.: «А я вам скажу, кто я. Я – нянька Анисья (Анисья Алексеевна) и я – горничная Аннушка (Анна Борисовна) и я же, – повар Дементий Петрович). Загляните на кухню, <...> когда я за своей работой и без всякого торможения и никто меня не дергает и в тишине: с двенадцати ночи и до трех или немного позже. Отрываясь от беспокойных сливающихся строчек, в раздумье, я вдруг замечаю (я как очнулся во сне, продолжая сновидение), что я не один: под кастрюлями горничная Аннушка с поджатыми губами, – я не решаюсь спросить, что ее сегодня так расстроило, какая забота? <...> ...а вот и нянька Анисья, знаю, как ей трудно, а поднялась к плите, спасибо, это она осторожно ставит на стол к рукописи мой волшебный “фильтр”, – кофе, и отошла в угол, <...> где примостился спиной к ордюру, вижу “философ” повар Дементий; набивает из окурочного табаку вытянутые, советским способом, использованные гильзы, спасибо, – я закуриваю его папиросу. <...>. А иногда и без всякого вдруг, подпершись кулаками, мы совещаемся, как исхитриться, как будем жить завтрашний день...» (Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. М., 2000. С. 195).

Список иллюстраций

С. 53. Письмо А.М. Ремизова жене. 1 января 1922, Берлин. ОРФ ГЛИМ. Ф. 156.

С. 58. Фрагмент письма А.М. Ремизова жене. 14 июня 1922, Берлин. ОРФ ГЛИМ. Ф. 156.

A.M. Remizov

**“At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello.
1921–1922**

Introduction and commentaries by Elena R. Obatnina

Editing by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina

Abstract: The publication presents extracts from the manuscript "At the Evening Dawn" (1943–1948) by A.M. Remizov, based on his letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello. The present chapters are devoted to first two years (1921–1922) of Remizov's life in Berlin. In the introductory note, the origin of the manuscript and distinctive features of Remizov's biographical genre are discussed. The appendix contains A.M. Remizov's original letters, which make it possible to evaluate methods of transformation of epistolary documents and analyze Remizov's creative strategy concerning autobiographical works.

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary literature, writer's letters, archival materials.

Information about the authors: Elena R. Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS. St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna S. Uriupina, PhD, archivist, Dal State Museum of Russian Literary History (State Literary Museum). Moscow, Russia. E-mail: urjupina_anja@mail.ru